

Заведующему отделом
социальных проблем интенсификации
общественного производства
ИСИ АН СССР
д.ф.н. Н.И.АЛЕКСЕЕВУ

Глубокоуважаемый профессор!

В связи с Вашим обращением, направляю свои ответы на поставленные вопросы.

I. Формирование моего интереса к математике произошло под влиянием школы. Тут я имею в виду два обстоятельства. Первое - возможно, наиболее важное - в том положении, которое дисциплины математического цикла занимают в программе обучения, второе - личность моих школьных педагогов. В те же годы проявилась и поддерживалась учителями педагогическая жилка - поощрялись мои занятия составлением задач, мне поручали проведение уроков в младших классах и т.п. Стремление стать ученым - профессиональным математиком - возникло значительно позже. Тут сыграли свою роль переезд с отцом в Академгородок под Новосибирском и пришедшее в те годы понимание, конечно, частичное, необыкновенной привлекательности науки. Вообще пример отца оказывал и оказывает на мою жизнь очень большое воздействие.

Исследования, которыми я занимаюсь, относятся к весьма абстрактным разделам математики. Говоря коротко, они призваны (как и большинство исследований в теоретической математике) обеспечить, с одной стороны, "информационную робастность" в соответствующем значительном фрагменте математики (я занимаюсь рядом разделов функционального анализа), с другой стороны, необходимую подстройку и упрощение накопленных фактов, приведение их в вид, доступный как новым поколениям математиков, так и специалистам - потребителям. В частности, мои личные результаты имеют отношение к разработке математического аппарата, используемого в оптимизационных задачах, в том числе, связанных с экономикой.

Разумеется, я надеюсь, что не полностью реализовал в своей деятельности свои творческие способности и возможности.

2. Главной помехой в моей личной научной деятельности помимо обычных личных обстоятельств (неорганизованность, лень и т.п.) является нынешний "истэблишмент" на его низших и средних этажах. Даже в такой сугубо неёмкой ресурсами деятельности, как теоретическая математика, ощущается запущенность механизма организации исследований. Строго говоря, распределяют ресурсы, оценивают работу и т.п. не специалисты в данной области, а "маститые" - по должности или, в лучшем случае, специалисты в параллельных областях. Противоречие системы в том, что доктор по определению ВАК создает перспективное научное направление (и так бывает весьма часто в учреждениях АН), материально же обеспечивается развитие этого направления создателями иных направлений.

3. Фундаментальные исследования проводиться в рамках хозрасчета не могут. Сейчас делается попытка перейти на вариант программного - "проблемного" - финансирования пилотных исследований. Однако, это изменение в практике планирования происходит сейчас только на уровне АН. Распределение ресурсов, механизмы оценок на ключевом уровне - в Институтах АН - не меняются. Поэтому ожидать изменений в лучшую сторону от проводимых мер в области фундаментальных исследований не приходится.

Можно предложить наделить значительно большими правами комиссии АН по проблемам. Нужен механизм согласования между проблемными комиссиями и учреждениями, в которых работают подразделения по проблеме. Одной из важных функций является подготовка кадров и их миграция. Мыслима такая экспериментальная форма как плата за подготовленного специалиста (кандидата, доктора, передаваемого в вузы, на производство). Необходимо упорядочить и в большинстве случаев просто вернуть гонорары за литературное творчество ученых. Не секрет, что наши коллеги в СССР пишут куда меньше, чем их аналоги на Западе.

В то же время еще раз подчеркну, что сформулированные предложения не следует расценивать как противоречащие главному тезису о том, что фундаментальные исследования не могут проводиться в рамках хозрасчета. Здесь необходим государственный заказ в новых рамках программного планирования.

4. Наука существует по меньшей мере в двух ипостасях - как система знаний и основанных на них представлений о действительности и формах ее познания, и как социальный механизм, обеспечивающий функционирование этой системы знаний. Во второй ипостаси градации - ученые степени и звания - необходимы, так как способствуют элементарной организации по уровням. Подобные градации существуют фактически в каждом развитом социальном механизме.

К вопросу об оплате за степени и звания. Тут есть путаница в постановке и в полемике. За звание, кстати сказать, сейчас платят доцентам и профессорам. Можно работать на должности доцента, т.е. исполнять соответствующие обязанности и получать на 100 рублей меньше заработанного до получения формального диплома о звании. В научных учреждениях до реформы такого не было. Получали плату за работу в должности. При этом с.н.с., с.н.с. - кандидат и с.н.с. - доктор имели разные должностные оклады. Плюс прежней системы в том, что повысивший квалификацию работник получал за более квалифицированный труд зарплату. Сейчас повышение зарплаты в рамкахвилки в связи с присуждением степени (т.е. с государственным свидетельством роста квалификации) стало делом личного решения директора. Это не верно ни по форме, ни по существу. Ясно, что с.н.с., ставший доктором, выполняет исследования лучше (как правило, исключаем случаи ошибок ВАК и т.п.). Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что научный сотрудник видел явную перспективу роста зарплаты в связи с ростом квалификации независимо от благоволения начальства. Сейчас стимулирование труда ухудшилось, так как метод Ломоносова бить начальство диссертациями отменен.

Итак, правильное введение новых должностей и вилок содержит неверную меру - ^{обязательны} более высокие ^{оплаты} более квалифицированного труда. Это нужно восстановить.

В заключение о выплатах членам Академии. И здесь им платят не за звания, а за те новые и очень важные дополнительные обязанности, которые на них возлагаются. Кстати сказать, сейчас этот перечень существенно расширен. Нельзя не сказать и о том, что деятельность членов Академии как лидеров программ по направлениям науки связана и со значительными дополнительными расходами (поездки, переписка, обмен литературой и т.п.).

Действующая система аттестации и конкурсов не устоялась и производит странное впечатление. Дремучая смесь старого и нового. При этом часто сохранено плохое из старого, омрачающееся новыми глупостями.

Отмеченные ранее плюсы аттестации, например, связаны с произвольным комплектованием аттестационных комиссий. А чего стоит новое положение о выборах завлаба (голосуем до трех раз - если не выберем, то директор и так назначит). Необходимо создать комиссию из членов АН СССР (может быть, как подкомиссию в комиссии АН по борьбе с бюрократизмом) и упорядочить имеющиеся три механизма. Кроме того, нужна однотипность процедур в научных учреждениях и в высшей школе.

Научные вопросы в науке как системе знаний большинством голосов решиться не могут (хотя решались и, наверное, будут решаться). В науке - социальной системе - надо использовать имеющиеся механизмы, сочетающие демократические формы - где нужно, с механизмами централизма - где нужно. Эти вопросы в науке, по моему, подчиняются общим законам управления.

5. В связи со специфическим характером моих занятий, я далек от общих проблем внедрения достижений науки и техники в производство. Мне кажется чрезвычайно важным усовершенствовать информационную структуру науки. Весь комплекс распространения научных знаний (не только образование, но и ВИНТИ, компьютерные сети и т.п.) должен быть переосмыслен как целое и задействован по новому. Возможно следует начать с создания общесоюзной программы "Научно-техническая информация".

Заведующий лабораторией
функционального анализа
Института математики
СО АН СССР

д.ф.-м.н.

С.С. Кутателадзе

С.С. Кутателадзе

7.04.88